

Травда - 1993 - 20 марта - с. 2

Рахманинов, внук Рахманинова

Время, переписывающее судьбы

На Рахманиновском конкурсе, закончившемся недавно в Москве, встретила знакомую, которая, узнав, что я хочу побеседовать с внуком композитора, буквально умоляла узнать, какой из дочерей Рахманинова он сын. И просила сказать, если Александр Борисович вдруг не знает, что в 1942-м его дед прислал сюда, в Россию, рентгеновский кабинет... И много еще говорила такого, что явно свидетельствовало: России не пропасть, коли остались врачи, которые вот так интересуются музыкой, Рахманиновым и прочим, что кажется отодвинуто жизнью в самый дальний угол. Нет, русские неистребимы!

— Александр Борисович, скажите, чувствуете вы себя русским человеком?

— Нет, я гражданин мира, происхождением отсюда, по паспорту француз, живу в Швейцарии.

— Связаны ли потомки великого музыканта профессионально с музыкой?

— Нет, мы не семья Баха, где 27 человек продолжили его дело. Например, я плохо играю на рояле. А профессионально специалист по американской бирже, прогнозирую курс валют, куда пойдет рубль, например, по отношению к доллару.

— И какие, кстати, прогнозы?

— Не спрашивайте: я работаю на правительство... Но сейчас я взял 12 месяцев, как сказали бы у вас, «за свой счет», и по 12 часов в сутки занимаюсь Рахманиновым. Мы с женой должны организовать четыре международных фестиваля, завершив их большим торжественным концертом в Карнеги-холл.

— На конкурсе, проведенном в Москве, первая премия стоила вам десять тысяч долларов. Вы оплатили и многие другие затраты. Вопрос вам как человеку, умеющему считать деньги: это выгодно?

— Напротив.

— Тогда зачем?

— Я хочу, чтобы мир знал Рахманинова лучше. И еще — поправить биографов. Все они рисуют Рахманинова как человека трагической судьбы, я с этим не согласен. Знаю его совсем другим — жизнерадостным, веселым.

— Но глазами любимого вну-

ка любой дед видится просто дедушкой... Кстати, вы сын какой из дочерей? И почему Рахманинов?

— Фамилию деда я взял три года назад, не хотел обидеть своего отца, и сделал это только после его смерти. Он тоже русский.

Моя мама — Татьяна. Ребенком я проводил в имении деда три месяца каждое лето. Сергей Васильевич бегал со мной и играл, как мало кто из взрослых умеет это делать. И вообще, горечь его биографии я бы порядком убавил.

— Разве разлука с Родиной не стала трагедией для композитора? Оставшись без имения, без состояния, без друзей, в сорок четыре года он должен был начинать с нуля, и только гений спас его от поражения.

— Да, потеря России много значила для деда. Но я уверен, эта разлука, столкновение со второй цивилизацией в конечном итоге оказались полезными. Он стал лучше писать и играть.

— А для вас столкновение со второй цивилизацией, Россией, полезно?

— Я наблюдаю жизнь не изнутри, поэтому мой взгляд необъемен. Но надо иметь хорошего качества русскую кровь и плохой характер, то есть любить трудности, чтобы приезжать сюда уже девятнадцатый раз.

— Вам здесь тяжело?

— Мне здесь непонятно... Под разговоры о демократии тут абсолютно отсутствует порядок. Деловые люди здесь подписывают контракты, а потом делают вид, что не было этого. Журналисты пишут непрофессиональные заметки, и мало кто выполнил обещание прислать мне опубликованное. Специалисты полагают, что я должен и дальше за руку вести каждого из лауреатов, а я просто даю им еще один шанс на следующем фестивале показать себя.

— Довольны ли вы организацией Рахманиновского конкурса в Москве?

— Я бы ответил так: организация конкурса могла быть лучшей. Но критиковать на Западе не заведено: от этого возникает плохая химия отношений. Нам же с этими людьми надо еще много работать вместе.

— Будете и дальше продолжать заниматься своим дедом, а не своим бизнесом?

— Буду искать друзей творчества Рахманинова во всем мире и особо здесь. Чтобы Россия, которую Сергей Васильевич так любил, сделала то, чего он достоин. Я — хочу, чтобы именно русский оркестр и русский пианист играли на торжественном концерте в Карнеги-холл. В этот самый престижный зал мира публика пойдет только на «звезд», и мне ничего бы не стоило пригласить их из Америки или Германии, но я ищу их в России. Я делаю фильм с русской командой.

— И, понятно, за эти дни в Москве вы побывали в особняке деда на Страстном бульваре, в его тамбовском имении?

— Конечно, нет. Моя жена, о которой говорят, кстати, что она больше любит Сергея Васильевича, чем меня, так и не была на Красной площади. У нас здесь слишком много дел.

— Грустно. Какая-то уже другая, не русская любовь... Но последний вопрос. У нашего великого композитора есть правнуки?

— У меня сын и дочь — двадцать шесть и двадцать два года. Они не музыканты, не говорят по-русски, в них ноль процентов российского самосознания. Больше того, дочь вышла замуж за француза и приняла его веру: теперь она не православная, а католичка...

Был у меня еще вопрос, но я его уже не задала, ответила сама. Сергей Васильевич, покидая Россию, стал на колени и поцеловал землю. Ясно, при встрече внук о таком даже не подумал... Что ж, идет время. Вместе с географией оно переписывает судьбы и правит характеры. Не говоря уж, простите, о менталитете.

Смешная деталь в заключение. Мой собеседник, более чем надо настойчиво, спрашивал у своего интервьюера визитную карточку. Я пыталась показать удостоверение, написала свои координаты на листочке, а он все не мог понять: как общаться без визитки. Он должен ввести данные в компьютер и контролировать результаты... Теперь я уж заведу визитки. Совсем выпадать из поезда прогресса не хотелось бы.

И все-таки — Россия! Она — одна из красок мира, и краска необыкновенная!

Нельзя, чтоб она пропадала.

Элла ЩЕРБАНЕНКО.